

Михаил Сопин

**ЛЕСТНИЦА
В ВОЗДУХЕ**

С т и х и

Вологда
2006

БАБОЧКА В СТЕКЛЕ

*Эти стихи не для всех. Кто хочет отдохнуть душой,
расслабиться, отвлечься от тягот жизни - не получится.*

*Стихи Михаила Сопина - попытка осмыслить
собственную, во многом ему непонятную жизнь и время, а
это... еще не осмыслено историей.*

*Читать его трудно. Кто не готов - пусть не огорчается,
просто отложит книгу. Может быть, поэт догонит время.*

*И если кто-то будет искать большого разнообразия в
сборниках - тоже не надо. Поэт все время пишет об одном:
как бабочка, бьется в стекло нетопленной избы,
пока зимние стужи окончательно ее не погубят.*

*Образы варьируются, перетекают из стихотворения в
стихотворение, и вот уже получается новое качество...*

*того же самого. По единственному сборнику
из этой серии можно составить представление
о творчестве поэта в целом, и все же каждый сборник,
каждое стихотворение по-своему единственные.*

*С годами отточенность мысли, образность
совершенствуются, но река жизни течет -
и берега у нее уже другие!*

Читаем, к примеру, монолог «Лестница в воздухе».

*Произведение осталось не законченным -
завершением замысла, пожалуй, можно считать более
позднюю поэму «Агония триумфа».*

*Но сколько в поэтическом наброске экспрессии, точных
образов, афоризмов, которые нигде больше не повторятся!*

Это можно сказать о многих других стихах.

*Когда душа болит - не думать, не страдать невозможно.
Поэт стремится это сделать при жизни.*

Татьяна Сопина

ЛЕСТНИЦА В ВОЗДУХЕ
Монолог на авансцене

1.

Лестница в воздухе - путь наш.
Вперед по уступам!
Лица под пятками... Узко,
Не станешь вдвоем.
Каждый - в движении.
Стереотипно и тупо.
Все по закону -
Не топчем и не предаем.
Ангельски - в детстве,
Безгрешная в жизни пора!
Но вопрошаю церквей золоченые главы:
Можно ль осмыслить?
Всем вместе осмыслить пора -
Дети играют во взрослых,
А взрослые - в «главных».
Так вот решили
В высотах общественных сфер -
Нынче таких моралистов «навалом»,
Не скрою:
«Нет обойденных в великой семье СССР!
Есть - пережитки,
Отребье,
Обломки капстроля.
Мы - кузнецы!
И негоже отброс принимать», -
Пела страна, от дурмана вопя-процветая.
Выла о сыне своем «нетипичная» мать,
Выла страдальца, проклятая и святая.
Многим «ласкающим кляпом» зашили уста.
Сердце мое,
Колыбельную спой бедолагам:
Братья,
Чем выше «общественная чистота»,
Тем безысходней пылают
Костры по дальлагам.

2.

Как я мечтал,
Что однажды наступит то лето:
Братьев клейменных,
Безвестных оплачут отцов...
Гляну однажды
В республику права и света -
Нет больше ЗУРов,
Нет смертников, спецкорпусов.
Братья и сестры,
Судилища, игры и позы
Нас раздавили -
Параграфы соблюдены.
Узкая лестница.
«Легче коню -
Баба с воза...»
Заврачевали
«Культурой конвойной» страны.
Родина, Родина,
Выслушай с детства седых
От довоенья, от фронта,
От пухлого тыла!
Как бы там ни было -
Все ж ты нас не защитила...
Поздней расправой
Твои обернулись суды.
Птицы эпохи,
Казенный ее интерес:
Гордость плакатная,
В кризис опора святая.
Опытным веком,
Возможностью лестничных мест,
Жесткой рукой окольцована
Детская стая.

3.

Лучшие мысли - чужие.
Своих - никаких:
«Будьте как все!»
Серость пестуют в каждом семействе.
В души и в чувства
С пеленок вползли двойники,
С донцем двойным -
Откровенничай, майся и смейся...
Помни, что жизнь -
Беспощадные схватки и бой.
Узкая лесенка...

Надо держаться традиций!
 Слушай команду -
 И будут тобою гордиться,
 Где б не причалил
 И что б не случилось с тобой.
 Кто там сказал,
 Что ответственность есть за дела?
 Был бы приказ -
 На чужой ли земле иль в квартире -
 Четко и точно,
 Как в тире,
 Как в тире,
 Как в тире!
 Слушай команду,
 Абы она сверху была.
 Будет команда -
 Стань ухом,
 Стань нюхом эпохи.
 Будет команда -
 Без жалости под сапоги,
 Пусть это будут
 Подруг и друзей твоих «охи»...
 В зеркало глянь -
 Там в зрачках отразятся «враги».
 Честь - предрассудок.
 Похрустывай, не холодея,
 Если на узенькой лесенке
 Место далось:
 Слово - команда,
 Считай и читай: «Как идея?»
 Там, где идея,
 Есть рапорт.
 Нет слова - донос.
 А по-другому...
 Едва ли пробьешься.
 Едва ль!
 В чем она, где она, что она,
 Мудрость иная?
 Это - борьба.
 Беспощадно врагов распиная,
 Все по команде
 Пойдем в «осиянную даль»...

4.

Родина, Родина,
 Если твои мы сыны,
 Поздняя исповедь -
 Не безысходные муки.
 Ложь и забвенья,

Браслеты эпохи сними,
 Освободи - для мольбы -
 Пригвожденные руки!
 Это молва
 За всех и за все,
 А не стих:
 Совесть распятую,
 Честь оскверненную слушай,
 Я преклоняюсь,
 И кровь на ступенях литых.
 Честь моя - прах.
 Ты услышь мою скорбную душу.
 Мы по командам
 Достигли таких рубежей!
 Я ли не грешник,
 Отчизна,
 Преступник - не я ли?
 Храмы - под тюрьмы,
 Узилища - русской душе.
 Веру в себя
 Во святых алтарях расстреляли.

ПО ЛУННОМУ БРОДУ

Украина спит.
 Городские не гаснут огни.
 А жизнь - бесконечность.
 И к счастью тропинка короче -
 Так думают в двадцать,
 Когда остаются одни.
 О чем мои мысли
 Сегодня в бессонные ночи?
 По роше надежды
 Увядавшие листья несет.
 Так пусто, так больно.
 И горько, и стыло до дрожи.
 Но не над чем плакать.
 И нечем.
 Я выплакал все
 На тех, не забытых,
 На ранних своих бездорожьях.
 И нечем жалеть,
 Если б даже и было о ком.
 Под наледью пепел - бывшее.
 Так надо. Так проще.
 Прошел по рокадным,
 Дымами родных большаков
 По лунному броду,
 По темному полю - наощупь.

САМ СОБОЮ ОТЛЮБЛЕН

Сам собою отлюблен и проклят,
 Отпет и воспет,
 Обнаружив, что в правде с неправдой -
 Великое сходство,
 Я десятками лет
 Шел к тебе, очистительный свет,
 Согревался тобой
 От остуды маразма и скотства.
 Не о том говорю?
 Не по той прошагал я дороге?
 Нет. По этой, по этой,
 Год от году, изо дня в день
 Разрывая ключицы,
 Везли мы житейские дроги,
 С матерями и сестрами,
 Падая на борозде.
 Не положено было
 За мытарства наши медалей.
 Это нынче вот так:
 Подошел по анкете - «Держи!»
 Мы светились, опухшие,
 В серых
 Подзолистых даях,
 Не дожив до налива
 Уже отцветающей ржи.

НАС ЧУЖБИННЫЙ ОСВИЩЕТ КОВЫЛЬ

У закрайка рожденного дня
 Бьется эхо печали в меня.
 Триедин я: охранник и вор,
 И судья.
 И влачу приговор:
 В индустриальном безлюдном лесу
 Милосердие к падшим несусь.
 Кто ты? Где?
 Отзовись-отзовись!
 Но молчит серотонная высь.
 Ты уйдешь – ни словца о тебе.
 Я умру – нет лица на судьбе.
 И от жизни за тысячи миль
 Нас чужбинный освищет ковыль.
 В бубенец-колокольчик звеня,
 Окликай в безнадежье меня.
 Но теряясь в барханном снегу,
 Я крест-накрест на эхо бегу.
 Середина 80-х.

БАЛАНСИРУЯ У ПОЛЫЊЫ

Солнце осеннее
Падает в ельник на западе.
Боль незакатная.
Дождик слепой в лебеду.
С мыслью бессменной
Шагаю от запани к запани,
С дымом махры
Безутешно смешав горечь дум.
Рад бы увидеть Отчизну
Такою, как снилась:
Добрые лица светлы,
Не опущены вниз...
Правда – не плаха,
А если уж милость – так милость:
Наша, природная, нет для которой границ.
Где преклониться,
В чем каяться сердцу усталому?
За прегрешенья,
Общественные и свои –
Медленно-медленно,
Будто по снегу по талому
Я прохожу,
Балансируя у полыньи.
Темное зеркало проруби –
Шахтами, копнами...
Кто твоя гордость, страна, как не мы?
Давнее, давнее взглядами кличет окопными.
Просьбы гонимых
В пространствах кочуют немых.
Слышу вас, братья,
В забоях, в гористых излучинах,
Слышу вас, гвардия,
Слышу вас, большевики,
Всех оклеветанных,
Гнусностью нашей замученных.
Страшная мысль –
Вдруг никто не подаст мне руки.
Сын человеческий –
Сам себе бесчеловечен:
Долгим молчанием,
Поздним умом я умен.
Тяжко мне. Знаю,
Что честью вашу
Увековечив,
В ней мы увидим
Бесчестие наших имен.
Конец 70-начало 80?

ДОМИКИ-БЕЗДОМНИКИ
(Вариации)

* * *

Старые домики,
Древние домики
В этом бетонном раздолье -
Бездомники.
Вас обошли минимальными сметами,
Чтоб не глядели вы
Окнами светлыми.
Трижды запутали улиц названия,
Чтоб не будили
Воспоминания...
Чтоб не клеймили безумием пройденным
Светлые дали,
Грядущее Родины.
Наново названы старые станции.
Старые стоптаны кладбища
Танцами.
Эхо ли издали
Липами, соснами,
Воплями:
«Вызволи» -
Ссылных и сосланных,
С радостью - вскладчину,
Временем метами
Недокулаченных,
Переклеветанных.
Можно спросить:
«А при чем же здесь я?»
В каждой избушке -
Россия моя.

ДОМИКИ-БЕЗДОМНИКИ

Старые домики,
Древние домики,
Вы, как и я.
В твоем мире бездомники.
Серые джунгли травы
У завалинок.
Полуразрушены,
Полузавалены.
Вас обошли
Минимальными сметами,
Вас обожгли

Обещаний наветами,
 Чтоб не смущали
 Усталостью пройденной,
 Чтоб позабыли -
 Какая ты, Родина...
 Наново названы
 Старые станции.
 Старые стоптаны
 Кладбища танцами.
 Радость проспектная -
 Тишь сострадания.
 Песня пропетая -
 Иволга дальняя.

ГОНИ, ЯМЩИЧОК
 (Вариации)

«Колокольчик однозвучный...»

Гнедой коренник,
 Пристяжные, чистейшие белые!
 В две масти соколики.
 Эти я масти любил.
 Глаза ли мои
 От дорожных снегов запотелые -
 Не видно. Не видно...
 Что ль, мнится - бубенчик в глуби?
 Ой, стежка- дорожка,
 Дороженька многовековая:
 Тобольск, Соловки,
 Салехард, Сахалин, Колыма.
 Поют арестантские песни
 Подковки с оковами:
 О верстах, о ветре,
 О смерти, чтоб жизнь понимать.
 Под сердце, под сердце
 Бьют други:
 Мол, нет во мне нежности.
 А недруги - счастливы,
 Сбагрили дело свое...
 И мчит нас убожество
 По свету,
 Лестно в невежестве.
 Неправде столетней
 Взахлеб дифирамбы поем.
 Гони, ямщикок,
 По Истории,
 Звенькай железами,
 Ни шатко, ни валко

Меня столетиям счет.
 Кто лжет там, чей шепот:
 «Царевича... Углич... Зарезали...»
 Гони черно-белых!
 Впервой ли?
 Зарежут еще.
 Года за годами промчатся,
 И ночки за ночками,
 До лучших времен,
 А по сути -
 До смертного дня.
 Молчащий и знающий -
 Мчимся мы, самодоносчики,
 За гнусность, за низость
 Друг дружку тузя и кляня.

БЕЗЛИКИЙ ВОЗНИЦА

Гляжу за окошко,
 В октябрьском дожде запотелое.
 Откуда бубенчик?
 Запел колокольчик в глуби:
 Гнедой коренник,
 Пристяжные,
 Чистейшие белые!
 В две масти соколики...
 Эти я масти любил.
 Зашлась ходуном -
 Смех ли, плач ли
 Беззвучного клекота -
 Душа степняка.
 Кто там скачет
 По тем большакам?
 Не нас ли с тобою
 Промчали однажды далеко так -
 За Каменный пояс,
 В глухих до плечей башлыках?
 А после - пешочком:
 По горям,
 Болотной ли тропкой ли,
 По тряси по шаткой,
 Оступись - в бездну дыра.
 Но чем бы мы жили,
 Когда бы все подчисто прокляли?
 Нам некуда мчаться
 И нечего, друг, выбирать.

Родимая, мама,
 Мы все - в этой жизни невольники.
 Не надо жемчужин
 Искать в придорожной пыли.
 Гляжу за окошко:
 Туманно.
 В две масти соколики.
 Безликий возница.
 Бубенчики плачут вдали.

ИЗ ТОЙ, ЧУТЬ ОСВЕЩЕННОЙ ТЬМЫ

На исповедь
 Пред миром и народом
 Зови, моя душа,
 Скликай умы,
 Кровавые вериги
 Темным бродом
 Влача из той,
 Чуть освещенной тьмы.
 Мои сыны, примите мой завет:
 Без исповеди вольной -
 Веры нет.
 Грядущее,
 Заветы старины
 И дышащий в затылок
 Тыл страны -
 Вот все, чем жил
 Во мгле и на виду,
 И с этим
 В землю отчую сойду.

* * *

От двора до двора,
 От села до села,
 От Орла до Певека
 Коротка мне стальная дорога была.
 А назад - четверть века?
 Четверть века уж еду.
 Такие дела.
 Лет десяток помешкав,
 Я монету метал,
 Загадав на «орла».
 Выпадала мне - «решка».

Годы быстро прошли.
 Привыкал без тепла,
 Как на севере южная птица.
 А под вечными льдами
 Воля-речка текла:
 Не напиться
 И не утопиться.

БЕЛЫЙ КОНЬ

Не буран золотой -
 Сыпануло года во все стороны.
 Высочайшая плата
 За дружбу,
 За хлеб и за снедь.
 Было время:
 Пропела, отпела душа
 Белым вороном,
 Чтобы нежно сегодня,
 О грустном забыв,
 Прозвенеть.
 И впервые теперь,
 Никакими не сжата пределами,
 Говорит без тоски
 О своем болевом далеко...
 То ли месяц над лугом
 Кочует,
 Над травами белыми,
 То ль в серебряных травах
 Звенит подо мной
 Белый конь.

* * *

Возвращусь
 И куплю телефон,
 И на Русь позвоню,
 Еле-еле.
 Я на дальний ходил марафон,
 В ту страну -
 Где печальные ели.
 Здравствуй, мать!
 Возвратился назад
 По попутной метели,
 По праву.
 Как волчица в волчонка -
 Глаза
 Выкипали в ледовые травы.

Я тебе тут гостинцы принес -
Сердце детское,
Мудрую душу,
И надежду -
Как море и суша,
Цвета чистых кукушкиных слез.

* * *

Замела,
Забарханила серая
Моей грусти
Неясная весть.
И в глазах
Потому столько севера
И цветов,
Не успевших расцвести.

* * *

Кончатся праздники.
Слышатся звоны.
Не рельсы ль звенят?..
Года-эшелоны
В закатные броды
Уносят меня.
Пристанища - мимо.
И станции - мимо.
И то, что любимо,
И что не любимо -
Все мимо. Все мимо.
Ни света, ни дыма.

ДОЖДИ И ПОЕЗДА

Зеленой ракетой
Зависнет над полем звезда.
Навстречу закату,
К другому рассвету
Пойдут поезда.
И дождиком синим,
Косым и печальным чуть-чуть,
Пройду над Россией,
В вагонные окна слечу.
Все это любил я,
Как могут любить только дети,
Ревниво, но чисто -
Курьерские,

Рвущие даль...
 Но это давно,
 Когда жил,
 Когда мчал я в рассветы,
 В живых поездов
 И дождей звуковые года!

УМЕРЕТЬ НА НИЧЬЕЙ ПОЛОСЕ

Это было
 В тоскливое утро под Оршей,
 Когда совесть свою
 Не поделишь на всех...
 Страшно жить безымянно.
 Но страшнее и горше
 Умереть безымянно,
 На ничьей полосе.

* * *

В который раз
 Пропел петух.
 Нет света в избах.
 Спят березки.
 Лишь я опять не обрету
 Покоя в этом мире жестком.
 Мне нет покоя.
 Вечно нет
 В полях родимых -
 Обелиски.
 Зачем вспахали
 В той стране
 Пути-дороги
 К душам близких?
 Слетает в пашни воронье.
 Встают панелей серых глыбы.
 И по садам
 Былых времен
 Замерз трезвон
 Былых улыбок.

* * *

Ни проклинать,
 Ни ненавидеть некого.
 Пусть даже так,
 Пусть в этом мне везет!
 Передо мной

Лежит раздолье снегово.
 Раздумий мглу
 Метет за горизонт.

ГРОЗА

Рвется ветер.
 Хлобыщет грозой!
 И за все,
 За больное земное,
 Словно в чем-то сошелся со мною,
 Хлещет ливнем,
 Взхлеб,
 Горизонт.
 Может, горькую память стяжал,
 Закусив полыневой былинкой -
 И пошел,
 От Земли до Стожар,
 С перекошенным горечью ликом?
 Не мешайте ему, небеса!
 Сам Господь,
 Столько лет пробабахав,
 Разорвал бы в лохмотья рубаху
 И айда -
 В чистом поле плясать.

* * *

Запеть,
 Забиться,
 Закричать бы -
 Прости, родимая,
 Жена!
 Не на твоей пляшу я свадьбе,
 А на своих похоронах.
 Так что ж,
 Попляшем над собою,
 Чтоб иней сдуло на висках!
 Пусть сердце,
 Скрученное вдвое,
 В граненый выльется стакан,
 Как смолка клейкая
 С тесины,
 Души горячая вода!
 Мне так с собой невыносимо,
 Как не бывало никогда.

* * *

Дороги - золочеными ремнями.
 Гремящий ветер
 Больно бьет во след.
 Багровую каплю листвы роняют
 Хоругви ольх в косой закатный свет.
 И меж лопаток -
 Вороненой сталью -
 Тяжелый взгляд
 Через всю страну.
 Как будто я историю листаю.
 Последний лист сейчас переверну.

ДУША СВЕТЛЕЙ ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Когда калина отцвела,
 Багровый дождь в мой путь закапал.
 Перед закатом - даль светла.
 Душа светлей перед закатом.
 Когда покой на куполах,
 Над дикой полночью и светом,
 Послушайте - колокола!
 Взрываются сердца поэтов...

ЛУННЫЙ ГУЛ ЗАЛЬЕТ КОЛОДЦЫ

То колокольный звон в ночи?
 О чем, пред чем он всколоколил?
 Какие вести мне примчит
 Ночное перекасти-поле?
 В такую пору,
 В быль и в явь,
 Гляжу я долго, безутешно:
 Все это - Родина моя,
 Ее распятыя и надежда.
 Рванется память в тьму степей,
 И лунный гул зальет колодцы.
 В такую ночь нельзя не петь -
 Иначе сердце разорвется.

* * *

Туманные холсты дорог.
 Обитель тихая, глухая.
 О чем он, филин - «ох» да «ох»?
 Вздохнет-вздохнет

И затихает.
 И вы, как в юности, стройны
 Леса!
 А вы чистейши - реки -
 Той, не запятнанной страны
 Во мне,
 Запятнанном навеки.
 Светитесь, вербы,
 На бегу
 Сквозь ограниченность сенсаций!
 Я счастлив тем,
 Что вас могу
 Душой запекшейся касаться.
 Что наша жизнь?
 Ошибок ряд
 В заботах о тепле и хлебе.
 О чем же звезды говорят
 В непостижимо вечном небе?

ГЛЯНЕТ В ДУШУ НЕБЕСНЫЙ ПРОЛОМ

Что за ночь,
 Что за непогодь чертова!
 Как устал я шагать наугад!
 Будто речкой
 До ужаса черною
 Развело предо мной берега.
 Ни звезды.
 Ни ущербного месяца.
 Тихой жалью к себе распростерт.
 И все чудится мне:
 Где-то мечется
 В свистопляске безумный костер.
 За лесами, болотами, поймою
 Глянет в душу небесный пролом.
 Это ж было со мною... по-моему.
 И прошло.
 Вместе с жизнью прошло.

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ

То ли ночь,
 То ли вечер -
 Смешались разлуки и встречи.
 Все сместилось - у всех:
 Где кончаются слезы, где смех.
 Ой по вольной-по воле
 Закручинюсь от дум я во поле.

Закручинюсь от дум
И пойду.
И пути не найду.
дек. 84 г.

* * *

Все ниш и голоден. И стих -
Кровоточащая каверна.
Добьют друзья меня, наверно,
Руками недругов моих
За личное непостоянство,
А может быть, за мой дебют:
По-просоветски,
По-крестьянски,
По-русски,
Как у нас лишь бьют.

ФЕДЕРАЦИИ ГРИМ

Состязались в стяжательстве,
Брата подсиживал брат.
Нам слышна наша совесть -
Как муромский трактор в Гаване.
Поделом, что не верят.
Не мы ли на сходках вчера
Человечьим достоинством
Оптом и врозь торговали?
Как проказа тела -
Разъедает умы чистоган.
Не от наших ли благ,
Отравясь спидо-раковым раем,
От подобия жизни
Бежала ты, юность, в Афган,
Чтоб душевно не сгнить,
От хватательных спазм умирая?
Чтобы ветром свинцовым
Срубило родительский груз,
Чтоб помочь пробудиться
Сомнамбулам - папе и маме!
Дом ребенка - приют.
Дом невежества дикого - ВУЗ.
Ты куда, человечество, мчишься,
Смеясь дурдомами?
Дом халтуры, кино,
Сочетаний, свиданий, разлук...
Я кричу в белый свет:
«На поруки меня заберите!»

Но ударясь о массы,
 Банкнотный летит ко мне звук:
 «Защищайся - как все!
 Будь как все,
 Века висельный зритель».
 Желто-сине-багряный
 Федерации грим на лице.
 Застилает глаза
 Индустрийным мне смогом-туманом...
 «Рубль - строка» за полвека труда.
 Так решил Госкомцен.
 Золотая цена
 Песнепевцам страны безымянным.
 Кто сломался, кто спился...
 Перед тем, как душой надорвусь,
 Перед смертью хотя б,
 Распахни мне, Отечество, двери
 В Дом Свободы,
 В Дом Правды,
 Раскрой,
 Я прошу тебя, Русь!
 Мне бы только взглянуть...
 Тяжело умирать,
 Не поверив.

НИ ОТМЕЛЕЙ, НИ СТРЕМНИН

Над болью, над скорбью
 Последние вогнаны гвозди?
 Как видно, я мало
 Шагал по горячим пескам.
 Я знаю, что поздно!
 Но в нашей судьбе - что не поздно?
 Одно только «к спеху» -
 Сиротство и вдовья тоска.
 Железная эра. Мело.
 Не пройти, не проехать.
 Потом разливало -
 Ни отмелей нет, ни стремнин.
 Как поздняя ивдень,
 Над лугом опустится эхо...
 То я из далекой,
 Родная,
 Вернусь стороны.
 Окт. 84 г.

ДО СУДНОГО ОГНЯ

Псковичи, смоляне, обоянцы...
 Та земля навек - моя семья.
 Позабыл, когда умел смеяться,
 И не помню, сколько плачу я.
 Обречен я?
 Загнан или избран?
 Дай мне Бог,
 До Судного огня
 Крест нести
 За судьбы и за избы,
 Уз святых оковами звеня.
 Окт.-84.

КУРСК-ВОЛОГДА

Сколько вьюг оттрубят над равниной...
 Из-за далей каких и равнин
 В дом однажды вернусь я родимый
 Из холодной чужой стороны.
 Мог ли знать,
 Что забвеньем отпетый,
 Затеряюсь в глубинную грусть,
 И обратно - не то что к рассвету -
 И к вечерней звезде не вернусь?
 Триста лет я прожил в эти тридцать,
 Чтоб разлукой навек заболел,
 Вологодской земле поклониться,
 Свято помня о курской земле.
 Окт. 84 г.

* * *

Вон в той околице - лицо мое:
 То в вешних ливнях, то в войне.
 Жаль, сердцу - птице окольцованной -
 Возврата к пройденному нет.
 Где был - там пел:
 За Камой, Обью ли,
 Мне хватит нежности и сил.
 Я столько пар железной обуви
 В пути заветном износил.
 Услышит память песню мамину-
 Ударится душа в бега:
 В ту сторону, в ту даль туманную,
 К тем отдаленным берегам.
 Янв. 85 г.

* * *

От памяти горькой
До мудрости
Щедрой и сильной,
В измотах-забоях
Плечом прошагал я к плечу.
Взойду на пригорок
И стану у края России,
Над миром,
Вовек незабвенным,
Душой полечу.
Родимое поле,
В тебе мое счастье простое.
Каким бы я стал
Без твоей опаленной судьбы!
В равнины твои
Я разбиться пришел
И в просторы,
Разбиться, развеяться –
В древнее, в память и в быль.
Года, где пытались унижить,
Я помнить не буду.
Парящему сердцу
Всегда небеса высоки.
«Спасибо!» - оттуда я крикну
Светлейшему люду.
Я весь из тебя –
Из улыбки твоей
И тоски.
1986 г.

ПО ДУХУ БЛИЗКИМ

Маршалу Тухачевскому

Взогретая синь Первомая.
 Парад. На плечах - детвора.
 Вглядитесь, живые, вниманье!
 Для многих, для многих, для многих
 Последние метры дороги
 Ведут на последний парад
 Но в белых одеждах,
 Слепая,
 Покорная сутолочь масс
 Проходит, в восторге вступая
 В разгул различных гримас.
 Стишки - под народные речи:
 Туманность берез да рябин...
 Полвека
 Моральных увечий
 Хрипел я,
 Немой человеке,
 У правды гортань надрубив:
 «Октябрь, я приполз на коленях.
 Сомненья не взорвана гать -
 Без исповеди поколенья
 Мне незачем в завтра шагать!»
 Скрежешут, колеблются плиты -
 Шеренги идут без конца.
 И слушает маршал убитый
 Звучащие гордо сердца.
 Колонны. Под бубны и марши.
 И стонет земля из-под плит:
 «Здесь
 Гвардии
 Ленинской
 Маршал
 Рабами свободы убит».

Анне Барковой

Векомученица и сестра,
 Слышал зов твой
 В буранах чалдоньих.
 К пустозерским иду я кострам
 И несу свое сердце в ладонях.
 Ты прости меня, Анна, прости.

В темном царстве
 Души моей аист
 Догорает.
 Не только пути,
 Наши судьбы во мгле пресекались:
 Произвольщина дальлагерей,
 Массколонный разгул транспорантов,
 Песий лай, дикий мат егерей -
 Все в оркестре
 Кремлевских курантов.
 Что хулить - что прощать!
 Не мо-гу...
 Стратотерпица,
 Узница,
 Анна,
 Предпоследние версты бегу
 В красный гул обложного тумана

Николаю Гоголю

Какое время на дворе!
 Разгул приказам и указам.
 Вновь задыхается творец,
 Сжигаясь собственным сарказмом.
 Не видно света.
 Темень лет.
 И ни единой щели - настезь.
 Ни пламени, ни дыма нет.
 Нет мук предсмертных.
 Смрада нет.
 Слегка туманно.
 Чуть ненастье.
 Страна всех крайностей и грез,
 Инертных душ
 И дум инертных,
 Страна неизбежных слез,
 Отчизна гениев -
 Посмертно.
 Проси, кричи -
 Когда конец?!
 В живых людей слова -
 В безлюдье.
 Они идут - ответа нет.
 Они живут - ответа нет.
 Они родят - ответа нет.
 Они умрут - ответа нет!
 А вдруг -

Его совсем не будет?
 Как вечность - тьма.
 Ни островка.
 Спасенья нет
 В себе и в свете.
 И - кровью каждая строка?
 Бессмертьем - каждая строка?
 Иль - смертью
 Каждая строка
 И пеплом ляжет на столетье...
 И для оставшихся в живых
 Он был - и нет.
 Он - просто миф?
 Всегда - один.
 Во всем - один.
 И никого - вокруг и рядом.
 И боль растет, растет в груди,
 Чтоб «мертвых душ» не разбудить.
 А может... и будить не надо?
 И зря затеян спор с судьбой.
 Неколебима твердь земная,
 И в том, что создано тобой,
 Себя живые не узнают...
 И он глядит.
 Глядит в окно.
 Опять огонь!
 Опять - страницы...
 Ах, боже, боже,
 Что со мной...
 Летит над Русью тройка-птица!
 И снова тьма.
 И красный снег
 Над степью...
 Крик.
 И нет ответа.
 И тихо-тихо желтый смех
 Слетает
 С черных губ поэта.

А. Горенко (Ахматовой)

Ее, как женщину, любили,
 Но как певца страны - тайком.
 С такой судьбой - не до идиллий.
 Ее, как женщину, щадили,
 Ее, как женщину, не били
 Наотмашь в зубы кулаком.

Она свой крест несла по свету,
 Как полагается поэту,
 Певцу России искони.
 Дни растекались, как отравы,
 И падали в сухие травы
 При жизни траурные дни.
 Украдкой приходили гости,
 Увещевали: «Не болей...»
 Непривередлива, как в жизни,
 За службу верную Отчизне
 Спит на Конюшенном погосте -
 В гробу из грязных горбылей.

ОБЪЕЗДЧИКИ ВЕКА

Мать-земля,
 Сторона моя грустная.
 Где вы, курских берез соловьи?
 Батогами да плахами,
 Русь моя,
 Порождались Емельки твои.
 Всюду птицы кричат издалека
 Про дороги-пути, про лета.
 И работает споро нулевка:
 Воркута, отворяй ворота.
 Серп со свистом
 По женским по нервам -
 Золотой колосок подобрал:
 Спиридонову М.
 В сорок первом
 Обезглавил орловский централ.
 Большевички, бомбистки, эсерки,
 Анархисты, эсдеки -
 Где вы?
 Обезглавлены русские церкви.
 Казнены в трибуналах волхвы.
 Ну куда нам, земля, бедолагам?
 Выбирай: кто удавку, кто бинт,
 Или сын изувечен Дальлагом,
 Иль родитель «за счастье» убит.
 Топай «левой»,
 Солдатом иль зеком:
 То присяга велит нам,
 То суд.
 И пасут нас объездчики века,
 Табунами, стадами пасут.
 Нам не видеть-не ведать -
 Спокойней.

Шамкнул магии серой кумир,
 И сынов посылая на бойню,
 Мы в восторге реведем...
 «Миру - мир!»
 Мрак застеночный,
 Стон госпитальный,
 Разбинтуй за верстою версту:
 Славя волю,
 Рабов воспитали,
 Славя честь -
 В ширпотреб красоту.
 Наша гордость -
 Детей наших муки.
 Так каков ты, мир наш,
 Таков?
 С Конституцией вверх наши руки
 Поднимались под звоны оков.
 Каждый может сказать:
 «Жил не все!»
 Что придумать чуть-чуть поновей?
 Боже, вдруг мы опять голосуем
 Ради плахи своих сыновей?
 Аввакум - на костре.
 С пулей - Савва *).
 Под каретой царя - динамит.
 Тихий реквием.
 И белый саван,
 Саван белый
 Над Русью летит.

*) Савва Морозов - известный меценат, покровитель искусства, жертвовавший также средства на революцию. Убит революционерами.

ДАРИ СЕБЯ ЛЮДЯМ

(Из записных книжек)

Дари себя людям! Худо, конечно, если нечего дарить, но тяжелее - если некому.

Все здоровое в этом мировом вонючем нужнике - осознанное, страдающее или хотя бы не утратившее чувство омерзения к тишайшим розовым благостям.

Мир держится на здоровых кочках среди гнилого болота. Осознанием не одиночества близких духом живу - надо жить для того, чтобы они не отчаивались! (из письма Гурьевой В.)

Человек, принявший безропотно «программу» как-нибудь... труп.

Когда я был молод... Я хотел отлюбиться со всеми женщинами, которые мгновенным лучиком своей доброты, симпатичности, красоты касались сердца моего и любя, радуясь и страдая, разорвать, расщипать свое сокровенное, раздать каждой по кусочку, продлиться в них и умереть с ними.

Но Богу, видимо, было угодно обратное.

Почему я так хотел?

Здесь срабатывал, конечно же, не грязный инстинкт бабника - постельного диверсанта. Я пронзительно чувствовал, что никакие другие ценности не смогут стать у живых по отношению к живым царственной памятью души. Без этой, без святой памяти, жизнь - полова.

И с друзьями точно так же - на отстрел: заходи, садись, бери кусок хлеба, пей стакан. Предал - прочь, мразь! Но - только с болью, с криком души, с пеплом. Самое страшное в нас то, что мы подтасовываем желаемое под действительное, серость под мудрость, истинную любовь перепутали с распутством, задушили намертво декретами и собственной убудочностью. Большинство наших семей держится на соплях.

Страшно, когда производное нашей радости - беда ближнего.

И главное - полная атрофия личностной воли, а именно она формирует поступки наши, мысли и действия.

Пораженчество и гниль? Нет. Во мне этого нет. Догматы добропорядочности, без самосовершенствования кочующие из столетия в столетие - зло, имя которому - наша жизнь. Поэтому я, не ограничивая себя в жестах и словах, чинушами и мракобесием, говорю, что ни одной, ни единственной секунды жизни, прожитой мной, не повторил бы - будь она проклята!

Вот об этом и пишу в стихах, и благодатно получаю в рожу. Мы все коллективно обокрали, ограбили себя, изнасиловали, улыбаясь.

Чтобы найти себя настоящего, надо потерять себя выдуманного. Есть ли в таком умозаключении правда? Есть - если она существует вообще...

Младшие... большей частью хлебают дерьмо, впрок запасенное старшими. И вот пока дети этого не усекают, все идет - норма дело. Но стоит сыну или дочери застеняться того, что делают родители - крышка. Начинается жесьть позиции: ненавижу ваше, но... не знаю, как делать мне. Нам всем вечно будет не доставать чего-то: иногда большого, иногда черт знает чего, но вечно будет то, что лишает возможности почувствовать себя удовлетворенным.

В этом - правда, вся правда до последнего дыхания человеческого, личностного. Но?.. Будучи педагогом или юристом, или дьяволом по образованию, это еще никоим образом не значит быть человеком по призванию. О чем я говорю? Если ты пекарь, не пытайся выступать в тяжелой весовой боксерской категории. Молодежи это особенно присуще: хотеть быть красивым, любимым, быть с блеском устроенным, быть, быть... Быть именно сейчас, пока не превратился в папу-маму. О чем это говорит? О полном отсутствии мудрости душевной. Вина наша: государственных самодуров, сереньких куропаточных учителей, челобитно-придаточной комсомолии, уцененно живущих родителей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Татьяна Сопина. Бабочка в стекле	3
Лестница в воздухе	4
По лунному броду	7
Сам собою отлюблен	8
Нас чужбинный освищет ковыль	8
Балансируя у полыньи	9
Домики-бездомники	10
Гони, ямщикок	11
Безликий возница	12
Из той, чуть освещенной тьмы	13
«От двора до двора...»	13
Белый конь	14
«Возвращусь и куплю телефон...»	14
«Замела, забарханила серая...»	15
«Кончатся праздники. Слышатся звоны...»	15
Дожди и поезда	15
Умереть на ничьей полосе	16
«В который раз пропел петух...»	16
«Ни проклинать, ни ненавидеть некого...»	16
Гроза	17
«Запеть, забиться, закричать бы ...»	17
«Дороги - золочеными ремнями...»	18
Душа светлей пред закатом	18
Лунный свет зальет колодцы	18
«Туманные холсты дорог...»	18
Глянет в душу небесный пролом	19
Все смешалось	19
Все нищ и голоден	20
Федерации грим	20
Ни отмелей, ни стремнин	21
До Судного дня	22
Курск-Вологда	22
«Вон в той околице - лицо мое...»	22
«От памяти горькой...»	23
По духу близким	
«Взогретая синь Первомая...»	24
«Векомученица и сестра...»	24
«Какое время на дворе!...»	25
«Ее, как женщину, любили...»	26
Объездчики века	27
Дари себя людям (из записных книжек)	29